

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

МИРАЖИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д72

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Драйзер, Теодор.
Д72 **Миражи :** [сборник : перевод с английского] /
Теодор Драйзер. — Москва : Издательство АСТ,
2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189275-3

Малая проза Теодора Драйзера составляет значимую часть его литературного наследия.

Действие в рассказах сборника происходит в основном в Нью-Йорке, и на фоне золотых миражей большого города разворачиваются драмы «маленьких» людей.

Драйзер пишет об их надеждах и поисках своего места, о мечтах и отчаянии, о резком контрасте между нищетой и богатством, о несправедливости социального устройства и упадке семейных ценностей.

Герои его рассказов проходят непростые испытания, размышляют о цене любви и жертвах, которые приходится приносить ради семьи, об упущенных возможностях и о шансе, который может подарить освобождение от всех цепей...

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод. А. Бродоцкая, 2026
© Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2026
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2026
© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2026
© Перевод. О. Холмская, наследники, 2026
© Перевод. В. Топер, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-189275-3

ОСВОБОЖДЕНИЕ*

В большой уютной квартире архитектора Руфуса Хеймекера в Сентрал-Парк Уэст тишина. Едва светает. Из высоких зеркальных окон, которые так облагораживают фасад дома, виден парк напротив; ряды величавых тополей еще окутаны утренней дымкой. Из окна спальни тоже виден краешек парка, но мистер Хеймекер, поднявшись в этот ранний час, прошел через холл в гостиную, чтобы, сидя здесь, у широкого окна, любоваться деревьями и маленьким озером за ними. Он так любит природу во всем ее многообразии, в душе он — поэт.

Хеймекеру под шестьдесят; он худощав и слегка сутул, но не лишен изящества; густые волосы, нависшие брови, коротко подстриженные седеющие усы и борода придают некоторую суровость его тонкому лицу. На нем широкий и длинный светло-синий халат, отделанный серебряным шнуром. Тонкие, бледные, морщи-

* Пер.: Р. Облонская.

нистые руки, длинные пальцы, слегка узловатые в суставах, выдают художника если не по профессии, то по натуре; глаза смотрят устало и в то же время беспокойно.

Уже три недели его жена больна — разладилось все сразу: сердце, почки, нервная система; и вот вчера доктор Сторм, их домашний врач, отвел его в сторону и мягко, дружески, явно стараясь щадить его чувства, сказал:

— Если до завтра вашей супруге не станет лучше, мистер Хеймекер, я приглашу для консультации моего коллегу доктора Грейнгера — вы его знаете. Он больше понимает в этих сердечных недугах, чем я. («Сердечные недуги», — иронически повторил про себя Хеймекер.) Мы ее тщательно осмотрим и тогда, надеюсь, сможем с большей уверенностью сказать, в какой мере можно рассчитывать на ее выздоровление. Это тяжелый случай, я бы сказал, весьма трудно поддающийся лечению. Но организм очень стойкий и в общем сопротивляется болезни лучше, чем можно было ожидать. И все же... я не хочу понапрасну пугать вас, да пока и нет поводов для чрезмерной тревоги... все же мой долг предупредить вас, что ее состояние очень серьезно. Я не хочу сказать, что нет надежды. Я этого не думаю. Совсем не думаю. Как раз напротив. Она может выздороветь, это вполне вероятно, и, пожалуй, проживет еще лет двадцать. (Тут Хеймекер подавил тяжелый вздох.) Судя по всему, силы

у нее могут восстановиться, но сердце скверное и обострение болезни почек, конечно, не улучшает дела. Именно сейчас, когда сердцу вредна всякая лишняя нагрузка, ему приходится работать сверх меры.

Можно сказать, что сейчас она — накануне кризиса. День, два, самое большее четыре — и будет ясно, какой это примет оборот. Но, как я уже сказал, я не хочу понапрасну пугать вас. Мы далеко не исчерпали всех наших возможностей. Мы еще не прибегли к переливанию крови, а ведь в пользу переливания можно многое сказать. Кроме того, в любую минуту ее организм — особенно почки — может начать энергичнее реагировать на лечение, и тогда положение сразу изменится к лучшему.

Однако, повторяю, мой долг обязывал меня поговорить с вами, чтобы вы были готовы к худшему, ведь при таком сложном заболевании трудно предвидеть, каков будет исход. Тут заранее ничего не скажешь. Я старый друг вашей семьи, я знаю, как много вы значите для нее и она для вас... — Хеймекер посмотрел на него отсутствующим взглядом. — И я считаю своим долгом подготовить вас. Всем нам приходится переживать такое. Вы ведь знаете, только в прошлом году я потерял мою Матильду, мою младшую дочку. Но все же, повторяю, я вовсе не думаю, что миссис Хеймекер при смерти, — я на-

деюсь, нам с доктором Грейнгером еще удастся поставить ее на ноги. Очень надеюсь.

Доктор Сторм посмотрел на Хеймекера с искренним сожалением — ведь он уже старик, прожил с женой столько лет, привык к ней, конечно, для него будет большим несчастьем ее потерять. А Хеймекер, застыв словно статуя, думал о том, какой все это нелепый фарс, как заблуждаются все вокруг. Вот ему уже почти шестьдесят, он устал от всего, устал от жизни, и никогда он не был по-настоящему счастлив, с тех пор как женился; а между тем жена, которая обо всем судит по внешности, убеждена, что он должен быть счастлив с ней, и поэтому сама едва ли не безмятежно счастлива. Вот и доктор смотрит на него как на дряхлого старика, который нуждается в заботе, сочувствии и понимании своей любящей жены! Невольно Хеймекер поднял руку, словно что-то отстраняя.

И дети тоже думают, что он нуждается в ней и счастлив с нею, и слуги так думают, и друзья, — и все-таки это неправда. Все это ложь. Он несчастлив. Он всегда был несчастлив, кажется, с тех самых пор, как женился, — уже тридцать один год. За все это время не было дня, чтобы он не тосковал, не терзался бессильным, затаенным желанием: едва осмеливаясь думать об этом, он хотел одного — не быть женатым, быть свободным, каким он был когда-то, раньше, чем встретился с Эрнестиной.

Но, верный своему характеру и воспитанию, он не решался отступить от общепринятой морали; притом тут действовали силы, над которыми он, казалось, был не властен, — сама его натура, обычай, общественное мнение и прочее и прочее, — они подавляли его, и он плыл по течению, неспособный с ними бороться. Да, он просто плыл по течению, втайне надеясь, что, быть может, время, случай или еще что-то вмешается и изменит его жизнь к лучшему. Но этого так и не произошло. И вот теперь, усталый, старый, или, по крайней мере, быстро стареющий, он осуждал себя за свою слабость. Почему он даже не попытался ничего сделать? Почему не разорвал эти цепи, когда было еще не поздно, когда он еще мог сохранить свою душу, свою страстную любовь к жизни, к ее краскам? Но нет, он не сделал этого. Что ж теперь так горько жаловаться?

И накануне, слушая доктора, он все время сдерживал холодную, циничную усмешку: ведь на самом деле он вовсе не хотел, чтобы жена осталась жива, — по крайней мере, так ему казалось в ту минуту. Он слишком устал. Почти сутки думал он свою невеселую думу — и вот он сидит у окна, смотрит на слабо освещенный, окутанный утренней дымкой дом неподалеку, проводит изредка рукой по волосам и тяжело вздыхает.

Сколько раз в эти томительные месяцы и даже годы, с тех пор как он с женой поселился здесь

(да и прежде так бывало), он подходил к окну в час, когда она еще спала, и думал, думал. В последние годы они стали так далеки друг от друга, что даже комната у каждого своя; впрочем, жена как будто не придает этому значения. Жизнь стала для нее более или менее практической задачей: ее заботит их доброе имя, положение в обществе, их репутация. А он... как часто, оглядываясь назад, он жалел, что жизнь так непохожа на все, о чем он мечтал... Если бы, если бы мечты его сбылись!

Было еще совсем рано, серое небо на востоке едва заметно розовело; Хеймекер задумчиво и печально покачал головой, поднялся и, пройдя через холл к спальне жены, заглянул туда; в кресле у кровати крепко спала сиделка; врач велел ей не спускать глаз с больной, но, как видно, ее сморила усталость. Жена тоже спала — такая бледная, исхудалая, ослабевшая. Он очень жалел ее порою, хоть и сам был сильно измучен; вот и сейчас ему жаль ее. Зачем тогда, много лет назад, он совершил такую страшную ошибку? Наверно, он сам виноват: почему не был умнее в юности? И он медленно пошел в свою комнату, снова лег и опять погрузился в раздумье.

Все эти дни, когда она была так серьезно больна и самая жизнь ее висела на волоске, он просыпался на рассвете и думал. Казалось, он уже просто не в силах уснуть здоровым, крепким сном — так одолевали его тревожные, бес-

порядочные мысли. Он даже не столько физически устал и измучился, сколько душевно измотан и растерян. Что и говорить, жизнь сыграла с ним злую шутку. Никогда он по-настоящему не любил, а ведь уже столько лет женат, и все эти годы был верен, внимателен и любим... Да, она, как умела, любила его. «Как умела», — с горечью прошептал он.

Скоро уже надо вставать, одеваться и, как всегда, идти в контору, если только жене не станет хуже. Но... но... выживет ли она? Она все-таки некрепкая, хоть и держалась до сих пор... И ведь ей почти столько же лет, сколько ему... Быть может, она не справится с такой тяжелой болезнью? Тогда он снова станет свободен, и никто не сможет его осудить, в чем-либо упрекнуть. И тогда снова можно будет поехать куда захочется и делать что хочешь, и никто не помешает. Ведь она больна, тяжело больна, впервые с тех пор, как они женаты. Вот уже почти месяц она между жизнью и смертью: сегодня ей лучше, завтра хуже, но все же она жива, и нет уверенности, что смерть неизбежна, однако и лучше ей не становится. Доктор Сторм утверждает, что у нее неожиданно обострился порок сердца — это как раз самое опасное, и неизвестно, как с этим справиться.

Все это время Хеймекер был по своему обыкновению чрезвычайно внимателен к жене. Он неизменно был мягок, уступчив, даже нежен.

Он никогда ни в чем не отказывал ей, делал все, что было в его силах. Он всегда радовался, когда она и дети были довольны и счастливы... А ведь он и в детях разочаровался, и виновата в этом прежде всего она... Он всегда сочувствовал ей, помня, что в юности ей жилось скучно и скудно; но сам он никогда не был счастлив, никогда, за все время, что они женаты. Да, ей пришлось многое вынести, твердил он себе в самые горькие минуты, но ведь и ему тоже... Правда, может быть, женщинам это дается труднее — возможно... зато у нее есть его любовь, по крайней мере так ей кажется, и на душе у нее мир, которого он лишен. У нее есть верный муж. У него нет и не было настоящей жены, которую он любил бы, как любят жен. А как он мечтал об этом!

В тот день по дороге в контору (она помещалась в одном из тех высоких зданий, что выходят на Мэдисон-сквер), проезжая мимо Сентрал-Парк Уэст, он смотрел на стройные ряды деревьев, на ярко освещенные солнцем дома, и снова им завладели горькие мысли. На тротуарах толпились няньки с младенцами, играли детишки, редкие пешеходы неторопливо прогуливались, другие спешили по своим делам. А день был такой чудесный, такой солнечный, какие выдаются лишь весной, да и то изредка. И, глядя вокруг, особенно на детей и на спешащих на службу молодых людей в новеньких с иголочки весенних костюмах, он со вздохом

подумал: если бы снова стать молодым! Сколько в них огня, сколько надежд! У них все впереди. Они могут еще искать и выбирать... Ни годы, ни обстоятельства — ничто еще не стоит у них на пути. Кто из них связал себя так же нелепо, как он в их годы? — в сотый раз спрашивал он себя. Быть может, у каждого из них есть очаровательная молодая жена, горячо и страстно любимая, такая, какой никогда не было у него? Может быть...

Поглощенный этими мыслями, он поднялся в свою контору, на верхний этаж одного из самых высоких зданий, и, подойдя к окну, устало посмотрел на раскинувшийся внизу город. Отсюда были видны обе пересекающие город большие реки, башня, шпили, стены далеких зданий. Это иногда и по сей день помогало ему терпеть, жить и надеяться. Как все это вдохновляло его в юности... Впрочем, тогда он жил в другом городе. Даже теперь, здесь, в конторе, он чувствовал себя куда лучше и спокойнее, чем в собственном уютном доме. Отсюда можно смотреть на раскинувшийся внизу город и мечтать... или с головой уйти в работу и забыть, что личная жизнь не удалась. Огромный город, здания, которые он задумывал или строил, способные и преданные помощники, которых он сам подобрал, не спрашивая жену, — среди всего этого он забывал о себе, о постоянной внутренней боли, о том, что жизнь безнадежно загублена.

На время болезни его жены заботы о доме поручены миссис Элфрид, строгой немолодой женщине, которая служила у них и прежде; ей помогает служанка Эстер — она прислуживает за столом, открывает двери, вообще делает все, что понадобится; кроме того, за больной ухаживают две сиделки — одна дежурит ночью, другая днем. Обе веселые, здоровые, голубоглазые. Да, очень милые девушки — воплощение дерзкой, жизнерадостной юности, какой он сам никогда не знал. А все же они не нарушают его душевного равновесия. Этого с ним, пожалуй, уже никогда не случится.

Кроме того, о матери думают и заботятся дети — Уэсли и Этельберта (жена так назвала дочь против его воли)... Они давно обзавелись семьями, у обоих уже свои дети, и живут они в разных концах города. Теперь они ежедневно заходят, справляются о здоровье матери, а иногда проводят в доме родителей весь день или вечер. Этельберта предложила на время болезни матери совсем переселиться к ним и взять все заботы о доме на себя, но миссис Хеймекер и слышать об этом не хочет: она любит командовать сама и пока не желает от этого отказываться. Она ведь не настолько больна, не утратила еще дара речи, а стало быть, может обо всем спросить и распорядиться. Кроме того, миссис Элфрид не хуже ее самой может позаботиться об удобствах и комфорте мистера Хеймекера.

Если уж говорить правду — а правда часто выходит наружу в критические минуты, — не заботы об удобствах не хватает ему, а понимания и любви. Ведь он никогда не любил жену, во всяком случае не любил с тех давних пор, когда они жили в Маскигоне, штате Мичиган, где оба они родились, где познакомились, когда ей было пятнадцать лет, а ему — семнадцать. Теперь это кажется странным, но они полюбили друг друга с первого взгляда. Она была дочерью местного аптекаря — юная девушка, чуть моложе его и такая милая. Потом нужда заставила его уехать, чтобы как-то выбиться в люди, но он часто писал ей и все время представлял ее такой, какой она показалась ему с самого начала, даже лучше — в его мечтах она была прекрасней всех на свете. Но судьба не торопилась помочь ему, не торопилась осуществить его мечты: много лет провел он вдали от Эрнестины, у него не было средств, чтоб жениться, а тем временем, сам того не сознавая, он стал по-иному смотреть на жизнь. Трудно сказать, как это случилось, но... Он жил в большом городе, многое увидел и узнал, а для нее все оставалось по-прежнему; он видел новых людей, смелее мечтал — и все это словно вступило в заговор против нее и против их любви, только он тогда не совсем это понимал. Как видно, думалось ему, он всегда слишком медленно осознавал все значение происходящих в нем перемен.

Сколько раз впоследствии он говорил себе, что именно тогда надо было спохватиться и порвать с Эрнестиной. Чем дальше, тем это казалось невозможней. Конечно, он причинил бы ей боль, и самому ему было бы нелегко, зато теперь не пришлось бы мучиться. Но нет, тогда он был слишком неопытен, слишком мало знал жизнь, слишком связан был условностями и предрассудками провинциального Запада. Он считал, что помолвка, даже если она потом окажется неудачной, все-таки помолвка, и это обязывает. Порядочный человек не откажется от своего слова — так, по крайней мере, считают блюстители нравственности у него на родине.

Да, тогда он еще мог бы написать ей, поговорить с ней. Но, слишком деликатный и мягкосердечный, он не решился заговорить о своей ошибке. А потом было уже слишком поздно. Он боялся обидеть ее, разбить ее сердце, ее жизнь. А теперь... теперь... что стало с его жизнью! Нескольким раз в те годы он приезжал в родной город и мог понять, что ошибся, и покончить с этим, и стать свободным, если б только у него хватило ума и мужества... Но нет, чувство долга, взгляды и верования, господствующие в провинциальном уголке, где он вырос, да и вообще в Соединенных Штатах, мысль о том, чего от него ждут, чего ждет и вправе ждать она, — все это связало его по рукам и по ногам, и он так ничего и не сказал Эрнестине. Не сказал, что изменился, ни словом

не обмолвился, что чувство его перегорело и обратилось в пепел, — вместо этого он женился на ней. Господи, до чего он был глуп!

Что ж, если верить ходячей морали, раз уж он сделал ошибку, его долг не отступаться от сделанного и не падать духом; уговор есть уговор, по крайней мере в браке, если не в чем другом. А все-таки он не может не чувствовать себя несчастным. Просто не может. И вот все эти долгие-долгие годы, связанный теми же условностями и опасениями — что подумают, что скажут люди, — он вынужден был жить с ней под одной крышей, всячески ублажать ее, делать вид, будто счастлив с нею, будто они — «идеальная пара». А на самом деле он был несчастлив, бесконечно несчастлив. Подчас его раздражал ее вид, ее чопорность, уже одно ее присутствие. Досадно было слушать, как доктор Сторм разговаривал с ним вчера утром: Сторм явно жалеет его, воображает, что он чувствует себя очень одиноким, что, если жена умрет, он останется совсем один — заброшенный и неутешный вдовец. «Кто позаботится о вас?» — словно говорили глаза Сторма... А зачем ему ее заботы, ему нужно только остаться одному, хоть на время, думать что хочешь, поступать как хочешь, забыть эти долгие беспросветные годы, годы притворства, когда он не был самим собой.

Неужели так никогда и не вырваться из этого постылого заколдованного круга, никогда, до